

Н. В. Пивоварова

ИКОНЫ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА СОЛЬВЫЧЕГОДСКА ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ И СОБОРНЫМ ОПИСЯМ КОНЦА XVI–XIX ВЕКОВ

Государственный Русский музей,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Инженерная ул., 4

В статье изложены результаты изучения икон Благовещенского собора города Сольвычегодска. Храм принадлежал именитым людям Строгановым (построен в конце XVI века). В первой четверти XIX века в процессе перестроек храма и продаж части богослужебной утвари и икон внутреннее убранство собора утратило целостность. На основе описей церковного имущества автор статьи сделала попытку реконструировать облик интерьеров храма. Для анализа использованы старейшая соборная опись конца XVI века, а также поздние описи XIX века. Сопоставление текстов описей и сведений других архивных документов дало возможность увидеть изменения, происходившие в храме на протяжении трех столетий, и определить степень участия нескольких поколений Строгановых в формировании его убранства. В статье установлен ряд закономерностей и индивидуальных особенностей программы оформления интерьеров Благовещенского собора, рассмотрена иконография некоторых древних икон, определено место икон в главном храме и в его приделах, ныне не существующих. Детально исследованы причины и определены пути перемещения сольвычегодских икон в XIX веке. Библиогр. 23 назв. Ил. 13.

Ключевые слова: Сольвычегодск, Благовещенский собор, иконы, иконостас, церковная опись.

ICONS OF THE ANNUNCIATION CATHEDRAL IN SOL'VYCHEGODSK ACCORDING TO THE ARCHIVAL DOCUMENTS AND THE CHURCH INVENTORIES OF THE END OF THE 16TH–19TH CENTURIES

N. V. Pivovarova

State Russian Museum, 4, Inzhenernaya ul., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

The article presents the results of a studying of icons of the Annunciation Cathedral in Sol'vychevodsk city. The Cathedral, built in the late 16th century, belonged to the famous Stroganov family. In the first quarter of the 19th century in the process of reconstructions and the sales of the liturgical utensils and icons, interior of the Cathedral has lost integrity. On the basis of the inventories of church property, the author of the article made an attempt to reconstruct the appearance of the interior of the Cathedral. The oldest church inventory of the end of the 16th century, and later inventories of the 19th century, were used for analysis. A comparison of texts inventories and information of the other archival documents made it possible to see the changes taking place in the Cathedral for three centuries, and to determine the extent of participation of several Stroganov generations in the formation of its decoration. The article has a number of the individual characteristics of the interior design program of the Annunciation Cathedral, considered some of the iconography of ancient icons, defines the place of icons in the main church and its aisles, now defunct. It studied in detail the reasons and the ways of moving Sol'vychevodsk icons in the 19th century. Refs 23. Figs 13.

Keywords: Sol'vychevodsk, Annunciation Cathedral, icon, iconostasis, church inventory.

До начала 1830-х годов по наружному благолепию и богатству внутреннего убранства Благовещенский собор Сольвычегодска — домовый храм именитых людей Строгановых — не имел себе равных на Севере России (рис. 1). Множество икон в серебряных позолоченных окладах, изысканно украшенных драгоценными камнями, жемчугом, привесами; пелен, шитых шелковыми, золотными и серебряными нитями; драгоценной утвари с резными изображениями и надписями, изготовленной

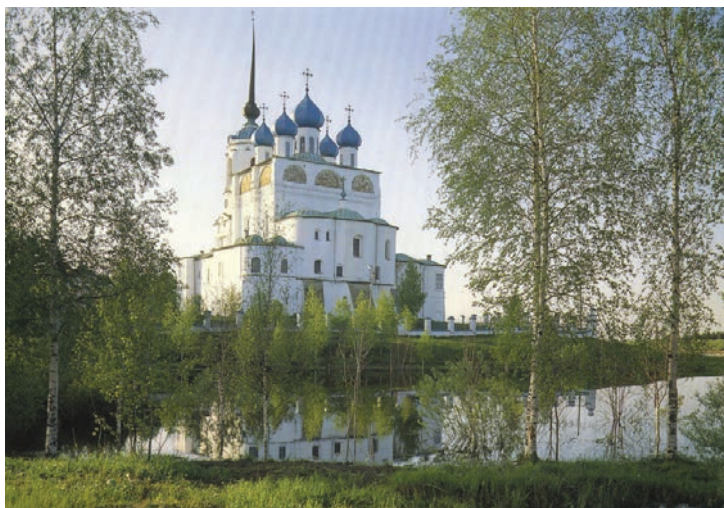

Рис. 1. Благовещенский собор Сольвычегодска. Вид с юго-востока

лучшими мастерами, украшали главный и придельный храмы. Всеми своими богатствами собор был обязан нескольким поколениям Строгановых, не только делавшим многочисленные вклады, но и поддерживавшим собор материальными средствами. В XVIII–XIX веках, когда ситуация изменилась, ответственность за сохранение и содержание этого богатства была возложена на плечи соборного духовенства, церковного старосты и прихожан. К несчастью, они не смогли сохранить в целости того великолепия, которым славился Благовещенский собор. Главной причиной этого стала позиция Синодального ведомства, не только не проявившего заинтересованности в сохранении церковных древностей, но и допустившего их распыление.

В первую очередь этот процесс коснулся богослужебных книг, которыми, как и иными предметами, собор был в изобилии снабжен Строгановыми. Согласно синодальному определению от 28 февраля 1722 г., в церквях было запрещено использование старопечатных книг. Мера эта в первую очередь преследовала цель ограничить «распространение раскола», поскольку служение по старопечатным книгам являлось главным условием совершения старообрядческого культа. Уже в 1720-е годы из церквей начали планомерно изымать старопечатные книги. Священникам предписывалось отправлять их в Синод, а взамен заводить книги новой печати. До Сольвычегодска эта волна докатилась к середине 1740-х годов, когда на просьбу снабдить собор книгами новой печати откликнулся барон Александр Григорьевич Строганов.

О том, что в середине 40-х годов XVIII века в Благовещенском соборе произошла замена старопечатных книг на новые, позволяла догадываться записка П. И. Савvaitова, предвещающая публикацию соборной описи конца XVI века [1, с. 9]¹. Среди описаний некоторых предметов в ней значилось: «10. Среднее напрестольное Евангелие (печат. 1741 г.), на котором на верхней доске, между серебряными позолоченными клеймами, 7 больших драгоценных камней и вычеканенная надпись: “Сию книгу священное Евангелие, вместо древняго Евангелия прикладу именитаго чело-

¹ Уточнение датировки этой описи произведено А. В. Силкиным, выделившим в ней разновременные слои, что позволяет ныне более точно датировать соборные древности [2].

Рис. 2. С.П.Юшков. Портрет Сергея Григорьевича Строганова. 1853 г. Пермская художественная галерея

Рис. 3. Благовещение Пресвятой Богородицы. «Начальный образ». Ок. 1558 г. СИМХ

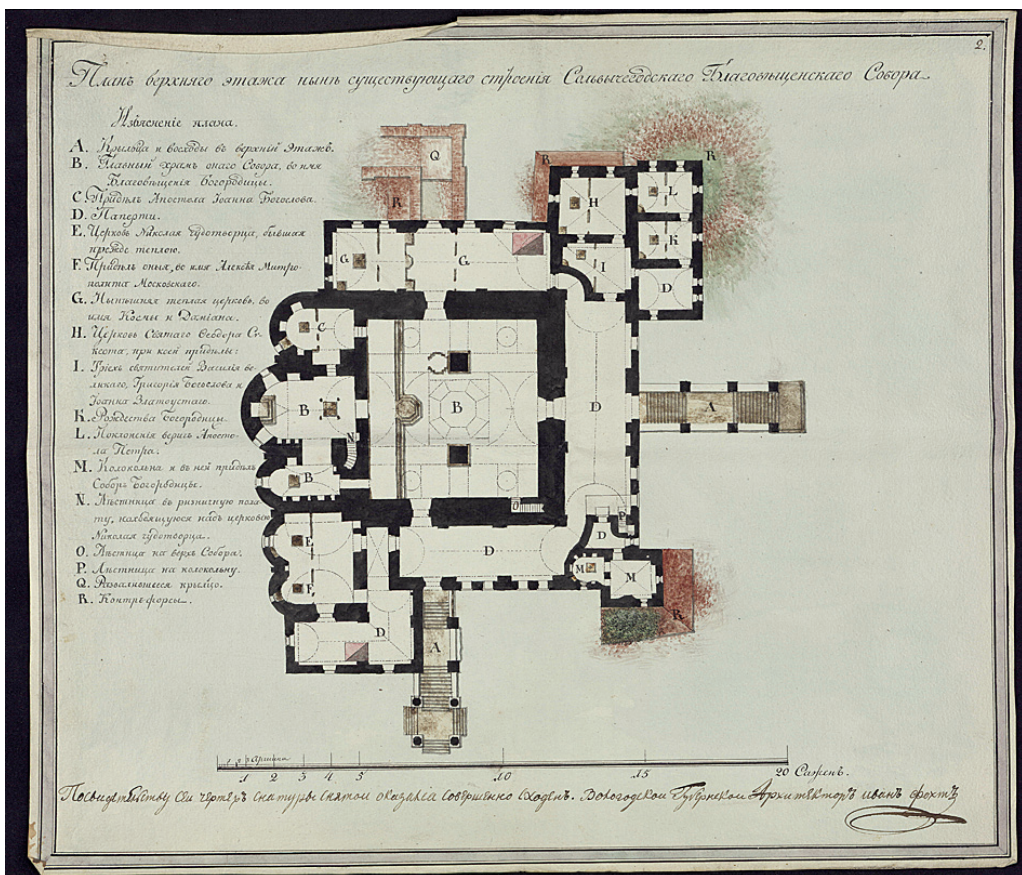

Рис. 4. План Благовещенского собора Сольвычегодска. РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Д. 873. Л. 2

Рис. 5. Положение во гроб. Шитая плащаница. 1592 г. Строгановская мастерская. Вклад Никиты Григорьевича Строганова. ГРМ

Рис. 6. Истома Гордеев (?). Преподобный Максим Исповедник в житии. Конец XVI в. Вклад Максима Яковлевича Строганова. СИХМ

Рис. 7. Великомученик Никита в житии. Конец XVI в. Вклад Никиты Григорьевича Строганова. СИХМ

Рис. 8. Богородица Одигитрия. «Мирское поставление». 1570-е годы. СИХМ

Рис. 9. Назарий Истомин Савин. Святой царевич Димитрий. 1621–1622. Вклад Андрея Семеновича Строганова. СИХМ

Рис. 10. Благовещенский собор Сольвыгодска. Вид на предалтарный иконостас

Рис. 11. Святитель Алексий митрополит Московский в житии. Не позднее 1586 г. Вклад Семена Аникиевича и Максима Яковлевича Строгановых. СИХМ

Рис. 12. Преподобный Феодор Сикеот. Третья четверть XVII в. Вклад Федора Петровича Строганова. СИХМ

Рис. 13. Богоматерь «Гора Нерукосечная» («Лестница Небесная»). Конец XVI в. Вклад Никиты Григорьевича Строганова. СИХМ

века *Никиты Григорьевича Строганова* (здесь и ниже курсив наш. — *Н. П.*), у Соли Вычегодской в соборную Благовещенскую церковь приложили господина бароны Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы в 1744 году в октябре месяце» [1, с. 10–11]. Подтверждал данный факт и анализ текстов соборных описей, в которых отсутствовали древние книги и одновременно значилось много книг московской печати 1730-х — начала 1740-х годов. Обнаруженные нами архивные документы позволили уточнить обстоятельства, при которых произошла эта замена [3]. Из документов следует, что по просьбе соборного священноначалия, переданной А. Г. Строганову его людьми, барон в 1744–1745 гг. закупил для собора целый комплект богослужебных книг новой печати, а древние забрал в свою московскую библиотеку. По-видимому, нечто аналогичное происходило и с церковной утварью. Во всяком случае, в том же 1745 г. бароны заменили в соборе древний крест. На новом кресте была исполнена надпись: «Сей святой крест построили бароны Александр, Николай, Сергей Григорьевичи Строгановы *вместо прежняго креста, который взят из соборных церкви Благовещения Богородицы от Соли Вычегодския, 1745 году; а мощи святых положены в него определенные из давних лет от прародителей их*» [1, с. 9]. Но совершенно беспрецедентная история произошла с древними иконами Благовещенского собора, которые на протяжении 1810–1820-х годов не только лишились своего драгоценного убора, но и были в значительной части распроданы.

Начало этой истории относится к 1814 г., когда епископ Вологодский и Устюжский Онисифор совершил обзор вверенной ему епархии. Осматривая Благовещенский собор, он отметил последствия пожара 1806 г., который повредил главы здания, ветхость его иконостасов и ризничных вещей, скудость его содержания и наличие в соборе «имущества, ныне никакой пользы не приносящего». Речь шла о драгоценном уборе соборных древностей — «зернах, называемых бурмитскими», крупном, посредственном и мелком жемчуге, алмазах, яхонтах, изумрудах и других камнях. Все они по приказанию епископа были сняты с ризничных вещей и сложены в особом месте для хранения. Вернувшись из поездки, преосвященный Онисифор обратился в Синод, предлагая верный способ «по устройству Собора сего во всех отношениях»: «продать некоторую часть жемчугу и каменьев разного достоинства из Сокровищ соборных [и тем] извлечь Сольвычегодский Собор и служителей онаго из скуднаго их состояния» [4, л. 1–3 об.]. Синодальное священноначалие приветствовало инициативу епископа и предложило составить смету на исправление собора. Сумма, требуемая на ремонт, оказалась гораздо большей, чем рассчитывал получить за продажу соборных сокровищ епископ Онисифор, поэтому в своем рапорте в Синод от 9 марта 1816 г. он обратился с просьбой «назначить в прибавок к сумме, какая продажей вещей приобретена будет, особенное пособие». Однако Синод истолковал эту просьбу по своему: «...[ввиду того], что означенной Собор имеет многия сокровищныя вещи, без употребления остающихся... то предписать ему Преосвященному... Сделать опись всем драгоценным вещам, в том соборе находящимся, с изъяснением, *какие из них еще можно назначить в продажу по необходимости в них*». В результате был составлен большой список церковных принадлежностей, с которых предполагалось снять оклады, камни, жемчуг или продать их за ветхостью целиком². Продажа состоялась в Москве в сентябре 1818 г. и позволи-

² В рапорте, направленном в Синод 18 января 1817 г., излагались следующие предположения: «назначается... обратиться в продажу: 1. все украшения на олтарных, местных и ственных образах в при-

ла выручить на нужды храма 20 677 рублей и 54 с половиной копейки³. При содействии Московской Синодальной конторы были проданы не только драгоценные камни и жемчуг с окладов и облачений, но и переплавленные в слитки фрагменты серебряной басмы, снятой с икон. В рапорте от 31 мая 1818 г. преосвященный Онисифор сообщал Синоду: «Серебро с образов снятое и в других вещах состоящее, по рассмотрении пробного мастера оказавшееся, по весьма давней работе, самой низкой доброты и притом большею частию в мелких и весьма тонких штуках, чрез того же мастера распущено, приведено в указную пробу и обращено в слитки» [4, л. 51 об. — 52; 5, с. 126].

На весну 1819 г. был назначен ремонт Благовещенского собора, в ходе которого предполагалось разобрать примыкавшие к нему малые придельные храмы. Естественно, сразу же возникал вопрос о дальнейшем использовании их внутреннего убранства. Поскольку дополнительного пособия на ремонт Синод не выделял, предлагая вести работы постепенно⁴, соборное духовенство решило получить его уже испытанным способом, на этот раз обратив в продажу иконы. Покупателя не пришлось долго искать. Им оказался судиславский второй гильдии купец, старообрядец-федосеевец Н. А. Папулин, взявшийся помочь нуждам собора⁵.

В отличие от представителей Ведомства православного исповедания староверы питали особое благоговение к древним образам, находя в них оправдание старым обрядам. В их скитах и моленных, устроенных после раскола Русской церкви в середине XVII века, были сосредоточены многие сокровища дораскольной Руси. Возможность перевозить их в места своих молитвенных собраний открывала старообрядцам политика духовенства официальной церкви, с небрежением относившегося к вверенному им церковному имуществу. Обладая значительными финансовыми средствами, купцы-староверы могли скупать большие партии икон и даже целые иконостасы. Правда принадлежность покупателей «к расколу» всегда тщательно скрывалась, поскольку купля-продажа икон допускалась лишь среди представителей официального православия.

23 декабря 1821 г. протоиерей Благовещенского собора Афанасий Кириллов с братией и церковным старостой обратились к епископу Онисифору с докладом, предлагая продать не нужные для собора ветхие иконы, стоявшие в приделах, предназначенных к разборке. Резолюцией преосвященного продажа была разрешена, и 23 января 1822 г. из Вологодской духовной консистории был прислан указ на имя протоиерея. Спустя всего месяц о. Афанасий Кириллов доносил епископу Онисифору о совершившейся сделке. Купцу Папулину было продано 19 складней, крест, вложенный в доску, 207 икон по соборной описи и некоторое число ветхих

делах, около главного храма в пристройках расположенных, и в других местах находящихся, которые состоят в жемчуге, разных камнях и серебре, большею частию позолоченном, и в которых по ветхости образов и по причине назначения в Архитекторском плане самих пристроек к разобранию, нет для собора особенной нужды. 2^е Серебро с ветхаго Евангелия; 3^е два излишние серебряные креста, 4^е два также излишние серебряные кадила; 5^е два ветхие серебряные ковшика; 6^е два ветхие серебряные блюда и 7^е серебро и небольшие камни с трех образов давно за ветхостию в ризнице хранящихся». Ниже следовал перечень из 147 вещей, назначаемых к продаже [4, л. 35 об. — 36; 5, с. 126, примеч. 12].

³ Этот факт упоминает в своей статье историк Н. Суворов [6, с. 168].

⁴ См. об этом в определении Синода от 29 ноября 1818/15 января 1819 г. [4, л. 81].

⁵ 3 июня 1819 г. собор вновь пострадал от пожара. Огонь повредил его главы и крышу и полностью уничтожил приписную к нему Сретенскую церковь. Из пламени успели вынести лишь иконы. Появилась возможность организовать и их продажу.

икон святых, стоявших в разных местах собора, на общую сумму 9 100 рублей [7, с. 374–378; 8, с. 94–96]. Впоследствии, видимо сочтя один консисторский указ достаточным, протоиерей с братией и церковным старостой в течение 1823 и 1826 гг. сторговали Н. А. Папулину еще 35 складней, трое Царских врат, две северные двери и 64 иконы и выдали 28 ветхих образов для переписки [7, с. 378–380]⁶. Всего же в четырех документах значилось около 380 икон. В основной массе это были небольшие («пядничные») образа, высотой около 30–40 см, и миниатюрные живописные складни; меньшую часть проданного составляли большемерные местные иконы, достигавшие в высоту 2 м. Отбирая иконы для продажи, духовенство не ограничилось соборными приделами; многие образа были взяты из главного Благовещенского храма.

Все приобретенные иконы были вывезены Н. А. Папулиным в город Судиславль Костромской губернии. После реставрации, предпринятой на средства нового владельца, они приобрели благолепный вид. Значительную часть икон Папулин поместил в двух моленных судиславского скита, устроенного им на собственные средства в 1812 г. для призрения мужчин и женщин федосеевского согласия, а излишние отослал другим старообрядцам, в том числе на московское Преображенское кладбище, где находился духовный центр федосеевцев. Небольшая партия икон была отправлена им в Петербург, к приказчику Егору Ловыгину [10]; несколько большемерных образов пополнили поповский храм Покрова Пресвятой Богородицы на Рогожском кладбище в Москве⁷.

В материалах тайного дознания, учиненного секретными агентами в 1840-е годы на Преображенском кладбище в Москве [12], приводилась фантастическая цифра: 1350 древних икон, за бесценку купленных, противозаконно вывезенных и распроданных Н. А. Папулиным. Как можно теперь утверждать, это была умышленная фальсификация, призванная дискредитировать федосеевцев и создать почву для уничтожения старообрядческого центра в Преображенском. Архивные документы позволяют восстановить истину и реабилитировать Н. А. Папулина в этой истории⁸.

Широкомасштабные гонения правительства на старообрядцев привели к уничтожению скита Н. А. Папулина [13]. Известный благотворитель, внесший свою лепту в реставрацию Благовещенского собора Сольвычегодска, был обвинен в «распространении раскола» и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Моленные скита были закрыты, находившиеся в них иконы конфискованы и в 1846 г. отправлены для хранения в кладовые костромского Ипатьевского монастыря. С этого момента началась новая история икон, на этот раз связанная с именем графа Сергея Григорьевича Строганова (1794–1882) — одного из видных представителей прославленного рода (рис. 2).

О местонахождении икон из Благовещенского собора С. Г. Строганов узнал в 1827 г., оказавшись в Судиславле проездом, на пути следования из Вятки в Петер-

⁶ Стоимость второй партии складней и икон в количестве 77 предметов, проданной в 1823 г., в реестре не обозначена. Третья и четвертая сделки были свершены на общую сумму 2 200 рублей. Об этих продажах см. также: [9].

⁷ Публикацию отдельных икон см. [11].

⁸ Простой подсчет по описи всех предметов, находившихся в интерьере храма в 1816 г., позволяет установить, что до начала распродаж в соборе хранилось в общей сложности около 1370 древних и новых церковных вещей.

бург. Не задумываясь о последствиях и не сомневаясь в законности совершенных им действий, Н. А. Папулин изложил графу обстоятельства осуществленной им покупки и показал приобретенные иконы. Об этом же, не скрывая, он сообщил и во время следствия, произведенного по его делу. Узнав о закрытии скита и конфискации икон, граф С. Г. Строганов сумел воспользоваться сложившейся ситуацией [14; 15, с. 51–57]. Она во многом напоминала ситуацию столетней давности, когда бесхозными и никому не нужными оказались старинные строгановские книги. Иконы лежали в кладовых Ипатьевского монастыря без всякого употребления. В марте 1847 г. С. Г. Строганов обратился к обер-прокурору Святейшего Синода с просьбой о передаче ему икон, конфискованных у Н. А. Папулина, как «памятников христианского благочиния его предков». 22 октября 1847 г., по резолюции Николая I, ходатайство было удовлетворено. Секретным указом Иустину, епископу Костромскому, предписывалось передать иконы в полное распоряжение графа. В том же году, 22 декабря, почетный попечитель костромской гимназии А. Лопухин принял по описи и отослал в Москву 231 икону, за что С. Г. Строганов пожертвовал 400 рублей в пользу Ипатьевской обители.

По переезде из Москвы в Петербург граф Строганов перевез сюда и коллекцию икон. Она была размещена среди других произведений искусства в фамильном особняке на Фонтанке. Включавшая немалое количество большемерных образов, коллекция не только нуждалась в значительных площадях, но и требовала особых условий хранения. Данным обстоятельством можно объяснить дальнейшие действия графа.

В 1870-е годы в Петербурге были созданы два музея. Один из них, организованный по инициативе известного литератора Д. В. Григоровича, возник при Обществе поощрения художников, другой, основанный усилиями приват-доцента Санкт-Петербургской Духовной академии Н. В. Покровского, — в стенах Академии. Музеи учреждались в то время, когда было сложно формировать собрания памятников церковной старины: сама эта идея часто не находила понимания и поддержки в церковных кругах [15]. Рассчитывая на благотворительность частных лиц, организаторы музеев обратились к ним с призывом о пожертвованиях. Откликаясь на письмо членов-учредителей музея ОПХ, 17 января 1874 г. граф С. Г. Строганов пожертвовал в музей 66 икон из своего собрания; в 1880 г. еще 11 икон он передал в Музей Духовной академии⁹. Заметно сократившаяся коллекция продолжала храниться в кабинете графа во дворце.

В 1918 г. особняк Строгановых был национализирован и получил статус дворца-музея. Спустя четыре года, проводя осмотры икон в разных собраниях Петрограда, реставраторы Русского музея обнаружили аварийное состояние икон в Строгановском дворце и вывезли их в музей для укрепления. После завершения работ возникла идея устроить выставку произведений «строгановской школы», для чего были отобраны иконы из особняка Строгановых и из других петроградских музеев [16]. После завершения выставки все иконы остались на хранении в ГРМ.

Пути миграции икон, разосланных Н. А. Папулиным по старообрядческим моленным и храмам, в некоторой степени проясняют сведения «Дневных дозорных записей о московских раскольниках». Согласно «ведению» о судиславских иконах «сызранского отца» Федора Артемьева, они попали «через орловского ку-

⁹ Среди них были не только иконы из Сольвычегодска.

пецкого сына Фирса Федорова» в Углич, Рыбную Слободу, Сызрань, Стародубские скиты, Москву, Коломну, Петербург [12, 1886, Кн. 1, с. 148–149]. Список новых владельцев в этом источнике насчитывает 37 имен, в числе которых названы руководители и видные деятели старообрядческих общин — М. В. Выжилов, Ф. И. Тюменев, Г. Т. Молошников, И. В. Стрелков, купцы Гучковы, Матвей Григорьев, Семен Козмич и др. Эти данные отчасти подтверждают и описания старообрядческих коллекций строгановских икон, составленные в 1840-е годы Д. А. Ровинским¹⁰, и материалы расследования на Преображенском кладбище в Москве, в ходе которого были обнаружены и конфискованы строгановские иконы [10]. Следует отметить, что при освидетельствовании икон духовными властями их иконография была признана «противной учению Православной церкви», что еще раз свидетельствует об утрате понимания смысла и значения древних икон в синодальный период Русской церкви.

Уцелевшие в молитвенных домах на Преображенском и Рогожском кладбищах в Москве строгановские иконы бережно сохраняются здесь и поныне. Иконы из частных старообрядческих моленных со временем меняли владельцев и в конечном итоге оказались в государственных музейных собраниях. Значительная часть из них попала после революции в Государственный Исторический музей, а затем в Государственную Третьяковскую галерею. Одной из крупных коллекций, включавших строгановские иконы, на рубеже XIX–XX веков было московское собрание купца Е. Е. Егорова, отдельные ценные образцы строгановского иконописания находились в собрании П. Д. Корина (ныне — в ГТГ) [18]. Ряд первоклассных строгановских икон приобрел для своей коллекции петербургский историк и археограф Н. П. Лихачев. Рассмотрение всех этих икон вместе с образами, по-прежнему хранящимися в Сольвычегодске, позволяет составить целостное представление об интерьере Благовещенского собора Сольвычегодска и реконструировать его облик на разные исторические периоды.

* * *

Неповторимый ансамбль икон Благовещенского собора создавался на протяжении длительного времени несколькими поколениями именитых людей Строгановых. На основе описей соборного имущества можно выделить несколько комплексов памятников, объединяемых именами вкладчиков. Представление обо всех этапах убранства собора, начиная с раннего, связанного с именем заказчика храма — Аники Федоровича, в монастыре Иоасафа (1498–1570), и кончая последним, отражающим деятельность Федора Петровича Строганова (1628–1671), дают иконы из собрания Сольвычегодского музея¹¹. Образа «поставления» Аники Строганова, его детей Якова (1529–1577), Григория (ум. 1577) и Семена (ум. 1586), внуков Никиты Григорьевича (1561–1616) и Максима Яковлевича (1556–1624) упомянуты в древнейшей из сохранившихся соборной описи [1]. Наиболее ранние вклады, бесспорно, были приурочены ко времени возведения храма. Иконы для этих вкладов

¹⁰ Полное издание книги вышло в свет только в 1903 г. [17].

¹¹ Более поздние вклады, например относящиеся к середине XVIII века приношения баронов Александра, Николая и Сергея Строгановых, выявляются пока лишь на материале книг и произведений прикладного искусства (см. выше).

могли заказываться или приобретаться в тех местах, куда Строгановы выезжали по своим торговым делам. Достаточно прочные связи существовали у них с Новгородом, Ростовом, Москвой. В XVI веке Сольвычегодск входил в юрисдикцию Ростовской епископии, поэтому вполне закономерно, что первую икону, так называемый «начальный» образ Благовещения, Аника Строганов получил от ростовского архиепископа Никандра (рис. 3) [18, с. 24–25, Кат. 1].

Согласно данным древнейшей соборной описи и надписи на обороте иконы, она служила архиерейским благословением на сооружение храма [1, с. 34–35]. Благодаря надписи, фиксирующей дату «1558 год», устанавливается приблизительное время исполнения образа, а имя ростовского архиепископа свидетельствует в пользу создания иконы ростовским мастером. Выбор сюжета для образа не случаен: он соответствует посвящению главного храмового престола. В 1602 г. внук Аники Федоровича Никита обложил икону серебряным золоченым окладом с камнями и жемчугом. По его же заказу был изготовлен и киот для образа с изображениями двенадцати святых. Хотя киот до нашего времени не сохранился, состав изображений на нем без труда поддается идентификации — это одиннадцать святых, во имя которых были освящены храмовые приделы, и великомученик Никита — святой соименник заказчика: «а на затворках писаны 12 святых, стоящие в два ряда, храмовые предельные; а обложены серебром басмою» [1, с. 35].

Как архиерейское благословение «Благовещение» было окружено в соборе особым почитанием. Судя по всему, его сразу же поставили на видном месте — перед солеей, напротив левого столба. Именно здесь икону фиксируют соборные описи XIX века (1816 и 1854 гг.) [4, л. 114 об. — 115, № 126; 19, л. 16–16 об., № 60. 31].

Отличительной чертой ранних вкладов в собор следует признать участие в пожертвованиях не только Строгановых, но и других жителей города. Этот факт подтверждается данными первой соборной описи и дает основание заключить, что изначально роль храма понималась шире, чем просто домовая церковь одного семейства. К 1579 г., когда в Сольвычегодске случился пожар, Благовещенский собор уже был снабжен всем необходимым для богослужения. Запись об освящении его в 1584 г. указывает лишь на то, что после пожара храм подвергся каким-то исправлениям. Возможно, к освящению в соборе появились и некоторые новые иконы. Однако главные работы по украшению храма пришлось, как думается, на 1590-е годы, когда был исполнен большой комплекс икон и осуществлена роспись его интерьера.

В это время главными распорядителями в соборе становятся внуки Аники Федоровича, двоюродные братья Никита Григорьевич и Максим Яковлевич Строгановы. Их деятельность также хорошо отражена в древнейшей соборной описи. С именами Никиты и Максима было связано основание в Сольвычегодске собственных иконописных мастерских, в которых трудились крепостные люди Строгановых. Роль «иконных горниц» состояла в снабжении иконами не только и не столько Благовещенского собора, сколько других храмов Сольвычегодска и многочисленных церквей строгановских вотчин.

Попечением обоих братьев были украшены как главный, так и малые придельные храмы, каковых в соборе было восемь: святого Иоанна Богослова, находившийся в диаконнике, святителя Николая Чудотворца, Алексия митрополита Московского и Симеона Столпника (с северо-востока от главного храма), церковь

«под колоколы» во имя Собора Пресвятой Богородицы (с северо-запада), Трех Вселенских Святителей, святых бессребреников Космы и Дамиана, «иже в мире скончавшихся», святых бессребреников Космы и Дамиана, «иже в Риме пострадавших» (с юго-запада). Составить представление о местоположении приделов¹² позволяет план храма, обнаруженный нами в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (рис. 4) [4, л. 2]. Благодаря ему отчасти реконструируется и само размещение икон в центральном и придельных храмах.

По инициативе Никиты Григорьевича Строганова для главного Благовещенского храма был выполнен грандиозный комплекс местных икон, связанных единой богословской программой. Иконы установили по периметру, вдоль стен собора и у его столбов¹³. Создание этого ансамбля, ориентированного на комплекс икон царского храма — Благовещенского собора Московского Кремля [20], логично связать с 90-ми годами XVI века. К этому времени Никита Григорьевич достиг зрелого возраста, за его плечами осталась «великая опала», когда он был лишен своих Пермских вотчин (1588–1591). Именно с 1592 г., скорее всего, он и начинает активную деятельность как вкладчик. Сохранившиеся датированные произведения с его именем относятся как раз к 1590–1610-м годам. В их числе — знаменитая ныне плащаница с шитой композицией «Положение Христа во гроб» (рис. 5), знаменующая, как кажется, обращение Никиты к осознанной благотворительной деятельности (1592, ГРМ)¹⁴.

Заказ комплекса икон, повторившего состав местных образов московского царского храма, был своего рода самоутверждением, декларацией особого положения представителей рода Строгановых в обществе, если не равного, то, во всяком случае, близкого царскому. Не удивительно поэтому, что на одной из икон («Иже херувимы...», ГТГ) [18, с. 27, Кат. 5] появились изображения членов семьи Строгановых, подобно тому как на кремлевских образах середины XVI века был показан сам Иоанн Васильевич Грозный, присутствующий на богослужении. По данным древнейшей описи сольвычегодского собора, в состав комплекса входили следующие иконы: «Троица с деянием», «Успение Богородицы с деянием», «Воскресение с Евангельскими притчами», «Святая Святых», «Приидете людие, Три составному Божеству поклонимся», «Достойно есть...», «Видение святого Иоанна Богослова», «Иже херувимы...», «Да молчит всяка плоть человека...», «О Тебе радуется...», «Похвала Богородицы с Акафистом», «Хвалите Господа с небес...», «Единородный Сын...», «Верую...», «Бесплотное естество херувимское», «Премудрость созда себе храм...», «Отец безначален, от Него же родися Сын безлетен», «София Премудрость Божия», «Отрыгну сердце мое слово благо...», «Страшный суд», «Ко-

¹² Последний деревянный придел, сгоревший в 1613 г., уже не восстанавливался и был перенесен в первый. Со временем был упразднен и придел во имя святого Симеона Столпника. В третьей четверти XVII века по инициативе Федора Петровича Строганова к храму с юго-запада был пристроен малый пятиглавый храм с тремя приделами: во имя Рождества Богородицы, Поклонения веригам святого апостола Петра (в память отца Петра Семеновича Строганова (1583–1639)) и преподобного Феодора Сикеота (соименника самого инициатора строительства). Таким образом, при храме стало девять приделов.

¹³ В древнейшей описи расстановка икон не отмечена, однако она фиксируется более поздними описями.

¹⁴ К периоду между 1592 и 1600 (1601) гг. относится, как установлено А. В. Силкиным, «первый слой» древнейшей описи Благовещенского собора, фиксирующей многочисленные вклады Никиты.

рень Иессеев», «Обновление храма Воскресения», «О сотворении небеси и земли и седми дней» [1, с. 29–33]. Как явствует из приведенных наименований, сюжеты большинства икон основывались на богослужебных текстах, отражали стремление их создателей истолковать на языке изобразительного искусства христианские догматы и события священной истории. Не случайно исследователи метко назвали их богословско-дидактическими. Иконография композиций была разработана в среде московского придворного духовенства вскоре после пожара 1547 г., уничтожившего прежнее убранство Благовещенского собора Московского Кремля. Перегруженные деталями, сложные для восприятия композиции, в которых многие современники усматривали нарушение канонических основ древнего иконописания, были неоднозначно восприняты и в ближайшем окружении инициатора нововведений — московского митрополита Макария. Вопросы о допустимости ряда изображений поднял дьяк Посольского приказа Иван Михайлович Висковатый. Для их обсуждения был созван церковный собор 1554 г. Однако решение собора, утвердившего новые иконографии и осудившего Висковатого, не поставило точку в спорах. Сомнительными они неоднократно признавались и впоследствии. Именно поэтому многие аналогичные образа, написанные во второй половине XVI столетия, как и сам комплекс икон из Благовещенского собора Московского Кремля, не сохранились до нашего времени. Тем большую ценность приобретают иконы из сольвычегодского собора, часть из которых чудом уцелела, во многом благодаря усилиям старообрядцев. Как следует из документов, девять икон из комплекса были вывезены из храма Н. А. Папулиным. Современное местонахождение большинства из них уже установлено¹⁵.

Судя по ранней описи собора, немало икон было заказано для храма Максимом Яковлевичем Строгановым. Среди вкладов обоих братьев выделялись иконы с образами их святых соименников — преподобного Максима Исповедника и великомученика Никиты. Две такие иконы, сохранившиеся до наших дней в Сольвычегодском музее (рис. 6, 7) [18, с. 40–41, 47–48, Кат. 24, 29], явно создавались как единый комплекс. Несмотря на стилистические отличия, указывающие на работу разных мастеров, их величина, число и размер клейм, идентичная схема расположения деталей серебряных басменных окладов и, главное, патрональный характер изображений объединяют их в ансамбль. Это подтверждается данными соборных описей, фиксирующих их симметричное расположение на южных гранях южного и северного столпов [4, л. 112 об. — 113, № 119, л. 117–117 об., № 133; 19, л. 12 об. — 13, № 45. 16, л. 13 об. — 14, № 53. 24]¹⁶.

Главный соборный иконостас располагался перед алтарем по оси север—юг и продолжался в заворот на солее. К началу XVII века он насчитывал пять рядов: местный, деисусный, праздничный, пророческий и праотеческий. Согласно древнейшей описи, деисус, состоявший из 13 икон «на золоте» с образом Спаса «в силах» в центре, был поставлен в собор детьми Аники Федоровича — Иаковом,

¹⁵ Впервые несколько икон из храмов и моленных на старообрядческих Рогожском и Преображенском кладбищах в Москве отождествил с комплексом икон из Благовещенского собора Сольвычегодска Е. В. Логвинов [21]. Иконы из Русского музея, находившиеся в судиславских моленных Н. А. Папулина, частично опубликованы в каталоге выставки [22, с. 208–225].

¹⁶ В древнейшей описи, как и в отношении других икон, точное местоположение этих образов не указано [1, с. 32–33, 34].

Григорием и Семеном. По заказу Никиты Григорьевича ряд был дополнен приставными иконами святых: Иоанна Богослова, Алексия митрополита Московского, Космы и Дамиана, Прокопия Устюжского и Иоанна Юродивого, Семиона столпника и Даниила столпника [1, с. 23–24]. Таким образом, включенные в чин изображения соотносились и с посвящением придельных храмов, и с местной северной традицией почитания святых. Над деисусом помещались праздники — двадцать пять икон «на золоте», выше — тринадцать икон пророков (на десяти из них было написано по два пророка, на двух — по одному). Иконы праздников и пророков относились в иконостасе к древнейшим — они были вложены Аникой Федоровичем Строгановым и Леонтием Ивановым сыном Пырским. Лишь одна икона пророческого ряда — образ Богоматери Воплощение связывалась описью с именем внука Аники — Никиты Григорьевича. Самым поздним по времени, несомненно, был праотеческий ряд, включавший одиннадцать икон на золоте. Центральный образ «Господь Саваоф в силах», как и десять боковых икон, с четырьмя изображениями праотцев на каждой, определялись в описи как «поставление» Никиты Григорьевича [1, с. 24]. Согласно приписке на полях этого документа, 1 июля 1606 г. Максим, Никита, Андрей и Петр Строгановы отдали все четыре ряда икон в недавно построенный деревянный храм Богородицы Одигитрии Борисоглебского монастыря (возведен в 1603 г.) «по своих родителей» [1, с. 23, примеч. 1]¹⁷.

Самым обширным в главном Благовещенском храме был местный «ряд» икон, состав которого также формировался постепенно. Местными в описи именовались не только образы, установленные на солее, но и вышеупомянутый комплекс богословско-дидактических икон, расставленных по периметру собора. В древнейшей соборной описи перечисление местных икон [1, с. 24–34] начиналось с Царских врат, вложенных Никитой Григорьевичем Строгановым. На их створах, сени и столбцах, обитых оловом и позолоченных, были помещены в киотцах традиционные сюжетные изображения: Благовещение и четыре евангелиста, «Троица Ветхозаветная», «Причащение апостолов», Господь Саваоф и святые. Царские врата были отданы в Борисоглебский монастырь вместе с чиновными иконами.

К числу самых древних местных икон принадлежал образ святителя Николая Чудотворца в житии — «положение» Никиты Огородова, не дошедший до нашего времени в своем первоизданном виде [18, с. 46, Кат. 26]. Упоминание в описи имени вкладчика, не принадлежавшего к семейству Строгановых, свидетельствует о раннем времени появления иконы в соборе, а богатейшее убранство, заказанное впоследствии сразу несколькими Строгановыми (Семеном, Никитой, Максимом, Петром), о том, что образ принадлежал к числу особо почитаемых. История иконы восстанавливается из приписок к древнейшей соборной описи: к 1607 г. ее клейма «слиняли» и по инициативе Никиты Григорьевича Строганова были написаны вновь. Утраченный «в литовский приход» оклад возобновили на церковные деньги; листовое золото на него пожертвовал Максим Яковлевич Строганов [1, с. 30–31]. Следы переделок заметны ныне на поверхности иконы: это гвоздевые отверстия от окладов и небольшие фрагменты древних клейм, уцелевшие при переписке. Со временем ветшало и изображение в среднике. Оно, как и золотой

¹⁷ По данным описи, деисус, пророки и праотцы имели 25 деревянных резных позолоченных по левкасу гривен — «положение» Никиты Григорьевича Строганова, которые также были отданы в Борисоглебский монастырь.

фон, было реставрировано. В конце XVI — начале XVII века местонахождение иконы в интерьере в точности не определяется, позднее она стояла рядом с солеей в киоте у южной стены. На этом месте ее упоминают все позднейшие соборные описи.

В 1570-е годы была написана икона Богородицы Одигитрии, называемая в описях «мирское поставление» [1, с. 27–29] (рис. 8). Ее иконография восходит к чудотворному Смоленскому образу Богоматери, в верхней части средника в медальонах написаны два архангела, склоняющие лики к Богомладенцу и Его Матери [18, с. 26, Кат. 3]. Подобно другим ранним вкладам в собор образ Одигитрии не только был «поставлен миром» (многими вкладчиками), но и миром украшен. В описи подробно перечислены разнообразие детали его драгоценного убранства и многочисленные привесы — свидетельства почитания. В числе вкладчиков венцов, гривен, убруса, ожерелья, мониста, панагий, перстней, крестов названы: Яков, Григорий, Семен, Максим, Никита, Евфросиния Строгановы, Леонтий Пырский, Никита Огородов, Иван Петров сын Быка и попадья Маремьяна Мишарина. Год кончины Якова и Григория Строгановых (1577) не оставляет сомнений в том, что к украшению образа приступили не позднее этой даты. Басменный оклад, венцы и привесы к иконе были ободраны во время польско-литовского нашествия. Впоследствии образ окладывался вновь. Уже в ранний период пребывания в соборе за иконой было закреплено место на солее. Согласно сведениям древнейшей описи, она помещалась «меж царскими и северными дверми». В XIX веке икона стояла крайней слева в местном ряду иконостаса («в заворот»).

Хотя ранняя опись не указывает точное расположение местных икон, можно предположить, что некоторые из них сохраняют свои места в иконостасе и поныне. Такова икона Господа Вседержителя на престоле, поставления Максима Яковлевича Строганова. К сидящему на престоле Спасителю склоняются в молитвенных позах святые — святители Николай Чудотворец и Алексий митрополит Московский, Иоанн воин и преподобный Максим Исповедник; к подножию престола припадают Иосиф Песнописец и Прокопий Юродивый. Как и во многих других случаях, на иконе изображены вместе святые, которым посвящены приделы храма, и святые соименники заказчиков. К последним относятся Максим Исповедник и Иоанн воин — небесные покровители Максима Яковлевича и его сына Ивана Максимовича (1591–1644) Строгановых. Особенности иконографии образа указывают на время его создания — икона не могла быть написана ранее 1591 г., — а ее упоминание в древнейшей соборной описи [1, с. 26–27] подтверждает выводы А. В. Силкина о датировке «первого слоя» самой рукописи 1592–1600 (1601) гг.

Как явствует из текста этой описи, некоторые из икон собора серьезно пострадали во время «литовского прихода», когда порче и разорению подверглись их драгоценные ризы. После ухода поляков оклады были восстановлены или сделаны заново. И здесь инициатива в значительной степени принадлежала Никите Григорьевичу Строганову. Происходило это уже на закате его жизни.

Ранняя опись собора содержит не так много сведений о небольших образах-пядницах, которые в основной массе были вывезены Н. А. Папулиным. Есть основания предполагать, что в момент составления описи большей части из них еще не было в храме. Многочисленные упоминания о пядницах появляются лишь в позднейших описях. Наиболее подробное их описание содержит опись 1816 г. [4]. Судя

по примечательной особенности некоторых образов — владельческим меткам и буквенной цифири на тыльных сторонах досок, — иконы оказались «в разделе» во время перераспределения имущества именитых людей, т. е. изначально находились среди их личного имущества. Не исключено, что они составляли резерв, приготовленный для отправки в церкви строгановских вотчин, или предназначались для домашнего употребления. Так или иначе, но в собор они, скорее всего, попали уже после кончины владельцев.

По данным первой описи, среди икон в Благовещенском соборе имелись и аналогичные образа. Комплекты подобных икон составляли обязательную принадлежность храмового богослужения. Часто они писались «на полотенцах» — на двух сторонах сложенного вдвое и загрунтованного холста. Комплект двусторонних икон «Владычных и Богородичных праздников» из 15 икон, написанных «на полотенцах», и к ним «святые на полотенцах» хранился в Благовещенском соборе в специальном киоте. Вкладчиком икон и киота был Никита Григорьевич Строганов [1, с. 35–36].

В конце первой четверти XVII века в Благовещенский собор был сделан вклад, органично вписывающийся в программу деятельности старших Строгановых. В 1621–1622 гг. царский мастер Назарий Истомина Савин написал по заказу Андрея Семеновича Строганова образ святого царевича Димитрия, прославление которого было связано с Москвой [18, с. 49–50, Кат. 32] (рис. 9). В 1606 г. мощи убитого царевича перенесли из Углича в Москву и положили рядом с останками других Рюриковичей в Архангельском соборе Кремля. Устройство захоронения с северной стороны юго-восточного столпа сопровождалось созданием надгробной иконы, на которой святой Димитрий был изображен в полный рост, в позе молитвенного предстояния. Этот образ был в точности повторен Назарием Истоминным Савиным для Андрея Семеновича Строганова. В Благовещенском соборе его установили в нижнем ряду иконостаса, справа от Царских врат, т. е. в юго-восточной части храма, что напоминало о расположении захоронения в кремлевском соборе. Сопоставляя надгробную икону и образ из Благовещенского собора Сольвычегодска, нетрудно убедиться, что и их драгоценное убранство было очень схоже. Серебряный с позолотой оклад покрывал фон и поля обеих икон (на образе из сольвычегодского Благовещенского собора пластины с полями ныне отсутствуют), лик святого обрамлял венец с короной, снизу крепилась цата (эти детали, как и надпись с именем святого, не сохранились). Отличительной особенностью драгоценного убора сольвычегодской иконы было использование на полях серебряных пластин с изображениями праздников и страстей Христовых, которые упомянуты в соборных описях. Не исключено, что те венец и цата, которые находились на иконе изначально, были заменены после продажи соборных драгоценностей. В описи 1816 г. они значатся золотыми с обнизью «самого крупного жемчуга», состоявшей из 479 зерен [4, л. 91, № 4]. В середине XIX века эти детали оказались уже серебряными со вставками [19, л. 6, № 19. 4].

Святого царевича Димитрия и впоследствии особо чтили в Благовещенском соборе Сольвычегодска. Это было связано с тем, что соименником царевича был один из представителей рода — Дмитрий Андреевич (ок. 1622–1670), сын Андрея Семеновича Строганова. В мастерской его жены Анны Петровны было вышито несколько подвесных пелен к образу царевича Димитрия письма Назария Истомина Савина,

вложенных в Благовещенский собор от имени Дмитрия Андреевича. Образ святого неоднократно вышивали и на полях пелен с другими сюжетами. Здесь образ царевича часто соотносился с пророчицей Анной — святой соименницей его супруги¹⁸.

После 1626 г. интерьер Благовещенского храма заметно изменился. В это время в нем устраиваются пристенные и настольные «иконоставы». На иконалах, по сей день стоящих вдоль северной и южной стен собора, можно видеть резную летопись, сообщающую об их создании в 1627 г.: «Зделаны и позлащены иконоставы къ местнымъ образамъ и вокругъ столповъ въ соборномъ храме Бл[а]говещения при бл[а]говерномъ г[о]с[у]даре и ц[а]ре и великомъ князе Михаиле Феодоровиче || Всеия России Самодержце и при его Государеве отце Филарете Никитиче с[вя]теишемъ патриархе Московскомъ и всея России и при Варлааме митрополите Ростовскомъ в лето от сотворения мира ЗРЛЕ (7135=1627)». Именно с этого времени за иконами в интерьере закрепляются определенные места, которые фиксируются и позднейшими соборными описями.

Описи конца XVIII и XIX веков описывают верхние ряды главного иконостаса, за исключением их центральных икон, уже в том виде, в каком они сохранились до нашего времени. В самом верхнем из них — по сторонам от образа «Отечество» — находятся четырнадцать икон со сдвоенными изображениями праотцев и пророков на каждой из досок (образ «Отечество» ныне заменен иконой «Коронование Богоматери»). Второй сверху ряд включает пятнадцать икон деисуса, состоящего из полнофигурных изображений Спасителя, Богоматери и Иоанна Предтечи, архангелов, апостолов, святителей и мучеников (как и в случае с верхним рядом, центральный образ Спаса на престоле заменен впоследствии изображением Христа Великого Архиерея). Третий ряд — праздничный — насчитывает шестнадцать Богородичных и Господских праздников [19].

Существующий соборный иконостас (рис. 10) не составляет единого комплекса. Находящиеся в нем иконы разновременны и стилистически разнородны. Наиболее ранним по времени является в иконостасе деисусный чин, относящийся к первой половине XVII века. Концом XVII столетия могут быть датированы иконы из пророческо-праотеческого и праздничного рядов. Вероятно, время их создания пришлось на начало 1690-х годов, когда по заказу Григория Дмитриевича Строганова (1656–1715), праправнука Аники Федоровича, московским мастером Григорием Ивановым Устиновым была изготовлена рама для иконостаса и создано Архиерейское место (1693)¹⁹.

С устройством иконостасной конструкции в ней появился фиксированный местный ряд, который не менял своего состава вплоть до 1920-х годов. Перестановки происходили лишь среди местных образов, установленных в пристенных и настольных иконалах. В 1816 г. местные иконы стояли не только вдоль северной и южной стен, как ныне, но располагались и у западной стены собора. В нижнем

¹⁸ Многочисленные примеры см.: [23].

¹⁹ Дата «1693 год» содержится в летописи на карнизе Архиерейского места: «Лета ЗСА го (7201=1693)... || ... || ... || ... || августа в Е де бл[а]говолениемъ Б[о]га Отца [и] поспешениемъ единого роднаго его с[ы]на и соде[и]||стие(м) Прес[вя]таго Д[у]ха || ... || ... || построися сие || Архиере[и]ское место по бл[а]г[о]словению преосв[я]щеннаго архиеп[и]с[ко]па Александра Вели||коустоужского... || и Тотемс||каго у Соли || в соборную и А||п[о]столскую ц[е]рковь Прес[вя]тыя Вл[а]д[ы]ч[и]цы н[а]шея Б[огород]и[ц]ы и Пр[и]сно Д[е]вы М[а]рии || ч[е]стнаго и слав||наго ея || ... || Бл[а]говещения». Отточием обозначены утраты текста.

ряду размещались самые крупные иконы, над ними в два ряда были поставлены небольшие пядничные образа. Пристолпные конструкции включали по одной большемерной иконе, находившейся внизу у каждой из граней столбов (всего их было восемь у двух столбов), и по одной иконе среднего размера, помещенной «в резьбе» (эти рамки для икон среднего размера находятся в соборе и сейчас). По сторонам и выше рамок также располагались пядничные иконы и складни [4]. (Именно они, а не только ветхие иконы из разобранных приделов, как сообщалось в докладе протоиерея Афанасия Кириллова епископу Онисифору, и были проданы Н. А. Папулину). Из числа местных икон, стоявших в пристенных и настолпных иконалах, Н. А. Папулин приобрел образы «Достойно есть», «Корень Иисеев», «Почи Господь...», «О Тебе радуется...», «Апокалипсис» и др. Продажа местных образов привела к перераспределению икон в иконалах. Оставшиеся иконы перемещали с боковых стен на столбы (так, икона Страшного суда заменила на северном столбе проданный образ «Символ веры») и т. д. Тогда же часть местных икон была перенесена из собора в Сретенскую церковь, устроенную с южной стороны на месте разобранных приделов²⁰. Все это привело к нарушению первоначальной расстановки икон, которая была предпринята еще Строгановыми, и к смешению икон из главного и придельных храмов.

В специальной литературе, касающейся сольвычегодских икон, менее всего затрагивается вопрос об убранстве придельных храмов. Между тем по соборным описям, начиная с ранней и кончая описью 1816 г., можно проследить процесс постепенного изменения облика интерьеров, к которому приводили перестановки икон, переделки их драгоценного убора, пожертвования новых образов. Рассмотрим этот процесс на нескольких примерах, позволяющих сделать акцент на деятельности последних благотворителей собора из рода Строгановых.

В ранний период придельные иконалаи формировались из числа икон поставления Никиты и Максима Строгановых. Так же, как и оформление интерьера главного храма (стенная роспись и расстановка икон), они были закончены ко второму освящению собора в 1601 г. Реконструировать состав иконалаи позволяет древнейшая сборная опись. Поскольку приделы были невелики по размерам, икон здесь было гораздо меньше, чем в главном храме. Обязательной принадлежностью интерьеров были храмовые иконы. Традиционные для больших иконалаи чинные иконы (деиус, праздники, пророки) либо вовсе отсутствовали, либо ставились выборочно. Со временем иконы в приделах ветшали и заменялись на новые.

Представление об интерьере одного из самых необычных по убранству малых храмов — придела святителя Алексия митрополита Московского, находившегося с северо-востока от главного храма, — позволяют составить его разновременные описания. Не позднее 1586 г. Максим Яковлевич Строганов вместе с дядей Семеном Аникиевичем сделали вклад храмовой иконы — образа святителя Алексия митрополита Московского, с житием в двадцати клеймах [18, с. 32–33, Кат. 13] (рис. 11). Икона являлась одним из двух житийных образов святого, предназначенных для этого придела. Главное место в нем занимала икона «на золоте» поставления Никиты Григорьевича. Она стояла возле Царских врат и имела драгоценный оклад со сканными, украшенными финифтью и вставками венцом и цатой [1, с. 90]. Образ

²⁰ Церковь была освящена в 1824 г. в память об одноименной, приписной к собору церкви, сгоревшей в пожаре 1819 г.

поставления Семена Аникиевича и Максима Яковлевича именуется в соборных описях иконой «на краске» или «на празелени», что указывает на исполнение его не на золотом, а на зеленом фоне. В описи конца XVI века икона описана без оклада, что позволяет предположить, что драгоценный убор на нее либо был изготовлен позже, либо впоследствии был перенесен с образа, вложенного Никитой Григорьевичем.

Следы Никитиной иконы теряются уже в начале XIX века. Подробное описание оклада на образе поставления Семена и Максима сохранила опись 1816 г. [4, л. 166–167, № 561]. Как и на других иконах с житийными клеймами, средник с фигурой святого Алексия митрополита и поля возле клейм были обложены басменным позолоченным серебром. Нимб покрывал серебряный сканный венец с финифтью и позолотой, к которому снизу крепилась цата. Необычным элементом убранства иконы были «очи сребренныя чеканныя с позолотою», система крепления которых не до конца ясна. Вместе с частями оклада опись упоминает и привес к образу — драгоценную панагию, изготовленную из дерева от гроба святого князя Михаила Черниговского, резное изображение которого находилось на верхней серебряной чеканной дощечке.

В начале XIX века икона святого Алексия митрополита являлась центром особого мемориального комплекса, состоявшего из нескольких предметов. В него входили: «пелена китайная зеленая» с крестом из лент, древний камчатый покров с мощей чудотворца Алексия с восьмиконечным серебряным крестом, покрытым резными изображениями Распятия Господня и святых, и подвесная лампада белого железа.

После разборки приделов образ был перенесен в основной объем храма и установлен в иконоставе на южной стене. Окружавший его в приделе комплекс расформировали: панагия чудом избежала участи других вещей, проданных в 1818 г. через московскую Синодальную контору; венец и цата из убора иконы были заменены на новые [19, л. 10–10 об., № 32. 3].

Наиболее поздние вклады в Благовещенский собор были связаны с именами Андрея Семеновича, в иночестве Авраамия (1581–1649), и Федора Петровича Строгановых. Последний был инициатором устройства с юго-запада от Благовещенского собора трех новых приделов — во имя преподобного Феодора Сикеота — его святого соименника, Поклонения веригам апостола Петра и Рождества Богородицы. Новый строительный этап в истории собора ознаменовался художественными работами в придельных интерьерах. В соборных описях конца XVIII — начала XIX веков можно найти иконы, безусловно относящиеся к третьей четверти XVII столетия.

Придел во имя преподобного Феодора Сикеота интенсивно украшался в третьей четверти XVII века, когда в его интерьере появились иконы, драгоценные сосуды и памятники лицевого шитья, заказанные Федором Петровичем. Иконостас придела был невелик по размерам. Он состоял из местного, деисусного и сдвоенного празднично-пророческого рядов. Два верхних ряда включали по пять образов, нижний, поставленный в заворот, был сформирован из больших и малых икон, размещенных в два яруса [4, л. 172–179]. После разборки придела лишь незначительная часть из его убранства оказалась в главном храме; основная масса придельных икон была продана в 1822–1823 гг. Н. А. Папулину.

Среди икон в приделе было несколько икон Феодора Сикеота, в том числе монументальный храмовый образ «Преподобный Феодор Сикеот и великомученик Георгий с житием» (ок. 193×141 см), стоявший справа от Царских врат [4, л. 172–172 об., № 635]. Отдаленное представление о композиции его средника можно составить по подвесной шитой пелене, хранящейся в Сольвычегодском музее [23, с. 216–217, Кат. 67]. Второй, малый образ преподобного Феодора Сикеота в житии помещался рядом (ныне он находится в фондах музея) [18, с. 79, Кат. 37] (рис. 12). Над ним была установлена другая небольшая икона — образ преподобной Матроны — святой, соименной матери заказчика Матроне Ивановне Пушкиной (1594–1667) [4, л. 172 об., № 636–637]. Наконец, среди прочих икон, расставленных по стенам и на полках придела, находились образы преподобного Феодора Сикеота и пророчицы Анны (святой, тезоименитой жене Федора Петровича Анне Никитичне Барятинской (ум. после 1683)) [4, л. 178 об., № 699, л. 179, № 701]²¹. Состав перечисленных икон свидетельствует о стойкой приверженности Федора Петровича к семейной традиции вложения икон соименных святых.

Эта традиция соблюдалась и в приделах Поклонения веригам апостола Петра и Рождества Богородицы, где также находились иконы святых соименников. Но наиболее значительную часть иконного убранства трех приделов составляли небольшие образы русских святых (Димитрия и Игнатия Прилуцких, Саввы Сторожевского, Евфимия Суздальского, Никиты и Даниила Переяславских, Филиппа митрополита, царевича Димитрия и Романа Углицкого, Зосимы и Савватия Соловецких). Среди редких для того времени сюжетов можно назвать находившийся в приделе Феодора Сикеота образ «Положение Ризы Господней в Успенском соборе Московского Кремля», вновь указывающий на тесные связи Строгановых с Москвой [4, л. 174, № 662].

Соборная опись 1854 г. [19], отражающая состав и размещение иконного убранства Благовещенского собора после разборки приделов, позволяет зафиксировать еще один процесс, происходивший в храме. Это появление в его интерьере новых икон, не упоминаемых в ранних описях. Среди них — образ «Святые Иоанн Лествичник и Савва Стратилат» [18, с. 49, Кат. 31; 19, л. 11–11 об., № 37. 8], судя по прежним описям, не входивший в состав древнего убранства собора. Этот же документ впервые приводит описание двух Богородичных икон с наименованием «Лествица небесная», не известным составителям ранних описей [19, л. 10 об. — 11, № 34. 5; л. 11 об., № 40. 11] (вторую из них можно идентифицировать с образом «Богородица Гора Нерукосечная», хранящимся ныне в СИХМ) [18, с. 34, Кат. 16] (рис. 13). Приведенные примеры показывают, что не все иконы, выставленные в настоящее время в соборе и экспонируемые на музейной экспозиции Сольвычегодского музея, изначально входили в состав убранства Благовещенского храма. В особенности это касается памятников, оказавшихся в фондах музея в годы массовых изъятий церковного имущества из ликвидированных местных храмов.

Возможность появления в интерьере Благовещенского собора и в фондах музея памятников, не связанных с храмом исторически, подтверждает ряд икон, установленных ныне в местном ряду и в пристенных иконалах. Среди них лишь один образ — «Святые Косма и Дамиан с Богоматерью Знамение», стоящий у северной сте-

²¹ Вторая из этих икон — «Святые Феодор Сикеот и пророчица Анна, в предстоянии Благовещению» — хранится ныне в собрании ГРМ (инв. № ДРЖ-656).

ны, безусловно, относится к первоначальному убранству собора. Вместе с тем анализ описей XIX века убеждает в том, что в это время в храме отсутствовали некоторые из тех икон, которые находятся в современной музейной экспозиции и по стилю письма считаются вкладками Строгановых в Благовещенский собор. Речь идет о схожих по композиции иконах со святыми в молении, написанных на узких вертикальных досках: «Великомученик Никита», «Святой Василий Блаженный», «Святой Прокопий Устюжский», «Святой Исидор Блаженный» [18, с. 40, Кат. 23; с. 34–36, Кат. 17; с. 37, Кат. 18; с. 54, Кат. 39]. Источник их появления в фондах Сольвычегодского музея не может считаться установленным. Это же касается и надвратной сени с изображениями Троицы Ветхозаветной и Причащения апостолов с предстоящими святыми Никитой и Евпраксией [18, с. 37–38, Кат. 19]. Все приведенные примеры показывают, насколько важно сопоставление данных разновременных соборных описей для решения вопроса о времени и обстоятельствах появления икон в храмовом интерьере.

Источники и литература

1. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. Записка П. Савваитова, с приложением соборной описи 1579 года. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1886. 120 с.
2. *Силкин А. В.* Опись сольвычегодского Благовещенского собора 1579 года как источник по истории строгановского искусства // Памяти Николая Николаевича Померанцева. Древнерусское искусство: исследования и реставрация: сб. науч. тр. М., 2001. С. 105–116.
3. *Пивоварова Н. В.* Церковное законодательство XVIII века и старообрядцы: еще раз о судьбе библиотеки Строгановых // ТОДРЛ. 2015. Т. 64 (в печати).
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 95. Д. 873.
5. *Пивоварова Н. В.* «Благочестивых князей собор испражен стался Папулиным»? (К истории распродаж памятников строгановского искусства) // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: сб. статей по мат-лам науч. конф. (25–28 мая 2010 г.). М., 2012. С. 121–132.
6. *Суворов*. Сольвычегодский Благовещенский собор // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1891. 15 июня. № 12. С. 167–172.
7. *Пивоварова Н. В.* Новые письменные источники по истории икон Благовещенского собора Сольвычегодска // Искусство христианского мира. М., 2005. Т. IX. С. 371–383.
8. *Чуреева Н. Н.* Казанский образ Богоматери в произведениях строгановских мастеров // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации. К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб., 2009. С. 92–100.
9. *Пивоварова Н. В.* «Дневные дозорные записи о московских раскольниках» как источник по истории икон Благовещенского собора Сольвычегодска: факты и вымысел // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации. СПб.: Пушкинский дом, 2009. С. 101–111.
10. *Пивоварова Н. В.* Об истории бытования двух строгановских икон из собрания Русского музея // Искусство христианского мира. М., 2003. Вып. VII. С. 409–413.
11. Древности и духовные святыни старообрядчества: Иконы, книги, облачения, предметы церковного убранства Архиерейской ризницы и Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М.: Интербук-бизнес, 2005. 284 с.
12. *Титов А. А.* Дневные дозорные записи о московских раскольниках: Части I–II // ЧОИДР. V. Смесь. 1885. Кн. 2. С. 1–40; Кн. 3. С. 41–80; Кн. 4. С. 81–120; 1886. Кн. 1. С. 121–192; Части 3–4 // Там же. 1892. Кн. I. С. 1–98; Части 5–7 // Там же. 1892. Кн. II. С. 99–224; 225–251 (оглавление).
13. *Пивоварова Н. В.* Об одном эпизоде из истории «борьбы с расколом» в середине XIX в.: Судиславские моленные Н. А. Папулина и их судьба по документам Российского государственного исторического архива // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 3. М., 2004. С. 358–384.
14. *Пивоварова Н. В.* К истории коллекции икон графа Сергея Григорьевича Строганова // Судьбы музейных коллекций. Матер. VI Царскосельской науч. конф. СПб., 2000. С. 88–97.
15. *Пивоварова Н. В.* Памятники церковной старины в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М.: БуксМАрт, 2014. 432 с.

16. Выставка произведений искусства «строгановской школы». Петроград: ГРМ, 1923.
17. Ровинский Д. А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. СПб.: издание А. С. Суворина, 1903. 174 с.
18. Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков. Каталог-альбом. М.: Сканрус, 2003. 440 с.
19. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2529.
20. Сарабьянов В. Д. Символично-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1999. С. 164–217.
21. Логвинов Е. В. Иконы «строения именитых людей» Строгановых // Искусство строгановских мастеров. Реставрация. Исследования. Проблемы: Каталог выставки. М., 1991. С. 5–27.
22. Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея. Альманах. Вып. 217 / Концепция и сост. издания Н. В. Пивоваровой. СПб.: Palace Edition, 2008. 288 с.
23. Силкин А. В. Лицевое шитье строгановских мастерских. М.: Сканрус, 2009. 432 с.

References

1. *Stroganovskie vklady v Sol'vychegodskii Blagoveshchenskii sobor po nadpisiam na nikh. Zapiska P. Savvaitova, s prilozheniem sobornoj opisi 1579 goda* [Stroganoff's Contributions in the cathedral of the Annunciation in Sol'vychegodsk according to the inscriptions. Note of P. Savvaitov and the inventory of the year 1579]. St. Petersburg, Tipografiia i khromolitografiia A. Transhelia Publ., 1886. 120 p. (In Russian)
2. Silkin A. V. Opis' sol'vychegodskogo Blagoveshchenskogo sobora 1579 goda kak istochnik po istorii stroganovskogo iskusstva [Inventory of the cathedral of the Annunciation in Sol'vychegodsk of the year 1579 in the capacity of source of the history of Stroganoff's Art]. *Pamiati Nikolaia Nikolaevicha Pomerantseva. Drevnerusskoe iskusstvo: issledovaniia i restavratsiia: sb. nauch. tr.* [In memory of N. N. Pomerantsev. Old Russian Art: study and restoration: the collected articles]. Moscow, 2001, pp. 105–116. (In Russian)
3. Pivovarova N. V. Tserkovnoe zakonodatel'stvo XVIII veka i staroobriadtsy: Eshche raz o sud'be biblioteki Stroganovykh [Church legislation of the 18th century and the Old Believers: about the fate of the Stroganoff's library]. *TODRL [Works of the Section of Old Russian literature]*, 2015, vol. 64 (in press). (In Russian)
4. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [State Russian Archives of History]*. F. 796. Op. 95. D. 873. (In Russian)
5. Pivovarova N. V. "Blagochestivnykh kniazei sobor isprazhnen stalsia Papulinyum"? (K istorii rasprodazh pamiatnikov stroganovskogo iskusstva) ["Blagochestivnykh kniazei sobor isprazhnen stalsia Papulinyum": history of the sale of the monuments of Stroganoff's Art]. *Istoriia sobiraniia, khraneniia i restavratsii pamiatnikov drevnerusskogo iskusstva: sb. statei po mat-lam nauch. konf. (25–28 maia 2010 g.)* [History of collecting, storage and restoration of the monuments of Old Russian Art: the collected articles of the conference (25–28 May of the year 2010)]. Moscow, 2012, pp. 121–132. (In Russian)
6. S[uvorov]. Sol'vychegodskii Blagoveshchenskii sobor [Cathedral of the Annunciation in Sol'vychegodsk]. *Pribavleniia k Vologodskim eparkhial'nym vedomostiam [Eparchial register of Vologda: the Addition]*, 1891, June 15, no. 12, pp. 167–172. (In Russian)
7. Pivovarova N. V. Novye pis'mennye istochniki po istorii ikon Blagoveshchenskogo sobora Sol'vychegodska [New written sources about the history of icons of the cathedral of the Annunciation in Sol'vychegodsk]. *Iskusstvo khristianskogo mira [Art of Christendom]*. Moscow, 2005, vol. IX, pp. 371–383. (In Russian)
8. Chugreeva N. N. Kazanskii obraz Bogomateri v proizvedeniakh stroganovskikh masterov [Kazan Icons of Mother of God in the works of Stroganoff's Art]. *Kul'turnoe nasledie Russkogo Severa: pamiat' i interpretatsii. K 90-letiiu Sol'vychegodskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia* [Cultural heritage of the Russian North: the memory and interpretation]. St. Petersburg, 2009, pp. 92–100. (In Russian)
9. Pivovarova N. V. "Dnevnye dozornye zapisi o moskovskikh raskol'nikakh" kak istochnik po istorii ikon Blagoveshchenskogo sobora Sol'vychegodska: fakty i vymysel ["Dnevnye dozornye zapisi o moskovskikh raskol'nikakh" as source about the history of icons of the cathedral of the Annunciation in Sol'vychegodsk]. *Kul'turnoe nasledie Russkogo Severa: pamiat' i interpretatsii* [Cultural heritage of the Russian North: the memory and interpretation]. St. Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2009, pp. 101–111. (In Russian)
10. Pivovarova N. V. Ob istorii bytovaniia dvukh stroganovskikh ikon iz sobraniia Russkogo muzeia [About the history of the existence of two Stroganoff's icons from the collection of the Russian Museum]. *Iskusstvo khristianskogo mira [Art of Christendom]*. Moscow, 2003, issue VII, pp. 409–413. (In Russian)

11. *Drevnosti i dukhovnye sviatyni staroobriadchestva: Ikony, knigi, oblacheniiia, predmety tserkovnogo ubranstva Arkhιεreiskoi riznitsy i Pokrovskogo sobora pri Rogozhskom kladbishche v Moskve* [Antiquity and the sacred objects of the Old Believers: The icons, books, vestments and the objects of the Church interior in the sacristy of the archbishop and in the cathedral of the Protecting Veil on the Rogozhskii cemetery]. Moscow, Interbuk-biznes Publ., 2005. 284 p. (In Russian)

12. Titov A. A. "Dnevnye dozornye zapisi o moskovskikh raskol'nikakh" ["Dnevnye dozornye zapisi o moskovskikh raskol'nikakh"]: Parts I–II. *ChOIDR. V. Smes'* [Works of the Society of the History and Antiquities of Russia], 1885, Book 2, pp. 1–40; Book 3, pp. 41–80; Book 4, pp. 81–120; 1886, Book 1, pp. 121–192; Parts 3–4, Ibid., 1892, Book I, pp. 1–98; Parts 5–7, Ibid., 1892, Book II, pp. 99–224; 225–251 (contents). (In Russian)

13. Pivovarova N. V. Ob odnom epizode iz istorii "bor'by s raskolom" v seredine XIX v.: Sudislavskie molennye N. A. Papulina i ikh sud'ba po dokumentam Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva [About the one episode of the history of the fierce to the schism in the middle of the 19th century: The prayer houses of the Sudislavl and their fate on the documents of the State Russian Historical Archiv]. *Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)* [Old Belief in Russia (17th–20th centuries)], issue 3. Moscow, 2004, pp. 358–384. (In Russian)

14. Pivovarova N. V. K istorii kollektcii ikon grafa Sergeia Grigor'evicha Stroganova [To history of collection of the icons of count Sergei Grigorievich Stroganov]. *Sud'by muzeinykh kollektcii. Mater. VI Tsarskosel'skoi nauch. konf.* [The fortunes of museum collections. Materials of the scientific conference]. St. Petersburg, 2000, pp. 88–97. (In Russian)

15. Pivovarova N. V. *Pamiatniki tserkovnoi stariny v Peterburge—Petrograde—Leningrade. Iz istorii formirovaniia muzeinykh kollektcii: 1850–1930-e gody* [Monuments of the Church antiquity in the Petersburg—Petrograd—Leningrad. From history of the organization of the museum collections: 1850–1930]. Moscow, BuksMArt Publ., 2014. 432 p. (In Russian)

16. *Vystavka proizvedenii iskusstva "stroganovskoi shkoly"* [Exhibition of the works of art of the "Stroganoff's School"]. Petrograd, GRM Publ., 1923. (In Russian)

17. Rovinskii D. A. *Obozrenie ikonopisaniia v Rossii do kontsa XVII veka* [Overview of the icon-painting in the Russia towards the end of 17th century]. St. Petersburg, 1903. (In Russian)

18. *Ikony stroganovskikh votchin XVI–XVII vekov. Katalog-al'bom* [Icons of Stroganov's domains of the XVI and the XVII centuries]. Moscow, Skanrus Publ., 2003. 440 p. (In Russian)

19. RGIA [State Russian Archives of History]. F. 834. Op. 3. D. 2529. (In Russian)

20. Sarab'ianov V. D. Simvoliko-allegoricheskie ikony Blagoveshchenskogo sobora i ikh vliianie na iskusstvo XVI veka [Symbolical and allegorical icons of the cathedral of the Annunciation and their influence on art of the 16th century]. *Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremliia. Materialy i issledovaniia* [The cathedral of the Annunciation of the Moscow Kremlin. Materials and studies]. Moscow, 1999, pp. 164–217. (In Russian)

21. Logvinov E. V. Ikony "stroeniia imenitykh liudei" Stroganovykh [Stroganov's icons]. *Iskusstvo stroganovskikh masterov. Restavratsiia. Issledovaniia. Problemy: Katalog vystavki* [Art of the Stroganov's masters. Restoration. Studies. Problems. Catalogue of exhibition]. Moscow, 1991, pp. 5–27. (In Russian)

22. *Obrazy i simvol'y staroi very: Pamiatniki staroobriadcheskoi kul'tury iz sobraniia Russkogo muzeia. Al'manakh. Vyp. 217. Kontseptsiiia i sost. izdaniia N. V. Pivovarovoi* [Images and symbols of the Old Belief. Monuments of the Old Believers' Art from the collection of the Russian Museum]. St. Petersburg, Palace Edition Publ., 2008. 288 p. (In Russian)

23. Silkin A. V. *Litsevoe shit'e stroganovskikh masterskikh* [Embroidery of the Stroganov's workshop]. Moscow, Skanrus Publ., 2009. 432 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 марта 2015 г.

Контактная информация

Пивоварова Надежда Валерьевна — кандидат искусствоведения; nad-pivovarova@yandex.com

Pivovarova Nadezhda V. — Ph.D.; nad-pivovarova@yandex.com